

данного аспекта социальных взаимоотношений. Растущее единство духовности и свободы способствует смысло-ценностному самоутверждению человека. Последнее качество имеет огромное значение для всестороннего понимания подлинной сущности человеческого бытия. Его суть выражается в том, что все конкретные деяния человека, к какой-бы сфере они не относились, возводятся в ранг важнейших составляющих смысла его жизни. Таким образом, он утверждает себя как уникальное социальное существо, обладающее способностью свободной самореализации. Вполне прав В.С. Барулин, утверждавший, «что смысло-ценностное самоутверждение, как фундаментальная черта человеческой жизнедеятельности, неразрывно связано с духовностью, творчеством, свободой. Как в самоутверждении проявляются эти качества, так и самоутверждение, в свою очередь, реализуется через них» [1, 471]. В этом находят свое наиболее глубокое выражение неограниченные, бесконечные возможности субъекта создавать новое, утверждать полный смысл и ценность своей жизни. Современная общественная жизнь выдвигает перед человеком целый ряд сложных проблем, связанных с самореализацией и самоутверждением. Ныне он «живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки с идеалом, с абсолютным. Уникальность, суверенность личности обнаруживается именно в этих ценностных предпочтениях» [4, 348]. В связи с этим истинное самоопределение является важной предпосылкой и отправным пунктом формирования свободы. Адекватно определяя себя, человек создает внутренние основания своих отношений с другими, в которых органически сочетаются его интересы с интересом общим. Широкое распространение количества людей, имеющих возможности свободного самоопределения и самореализации существенным образом улучшает духовность человека. С другой стороны, выбор поступков людей во всебольшей степени детерминируется не внешними факторами, а уровнем духовности людей. Из вышесказанного следует важный в научном и практическом отношении вывод о том, что в человеческой духовности заложен важнейший импульс его свободной активности, так как она, находясь в единстве с творчеством, созидательными началами человеческого бытия, выступает важнейшим показателем и критерием уровня способности самореализации человека в обществе. Современная общественная жизнь с присущими ей глубокими сдвигами в области развития духовности человека обуславливает дальнейшее укрепление единства ее со свободой. Эти два неотъемлемых качества выступают как глубинные сущности человека.

Источники и литература

1. Барулин В. С. Социальная философия / В. С. Барулин. – М. : Фаир-пресс, 2002. – 558 с.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1993. – 412 с.
3. Гегель Г. Философия духа. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – Т. 3. – 511 с.
4. Гуревич П. С. Философская антропология / П. С. Гуревич. – М. : Нота Бене, 2001. – 513 с/
5. Ильин В. В. Философия / В. В. Ильин. – М. : Академический проект, 1999. – Т. 1. – 612 с.
6. Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности / С. Б. Крымский // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 210-217.
7. Скворцов Л. В. Культура самосознания. Человек в поисках истины своего бытия / Л. В. Скворцов. – М. : Политиздат, 1989. – 358 с.
8. Уледов А. К. Духовное обновление общества / А. К. Уледов. – М. : Мысль, 1990. – 334 с.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 330 с.
10. Федотова В. Г. Духовность как фактор перестройки / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 1987. – № 3.

Керимова Фатма Музаффер кызы

УДК. 101.3

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ

Постановка проблемы. Рассмотрение проблемы глобализационных процессов в культуре предполагает анализ самого понятия «глобализация», которое, как и понятия «культура» и «цивилизация», относится, к числу многозначных и многоаспектных. «Говоря о глобализации, следует учитывать, - пишет В.И. Самохвалова, - что данное понятие может иметь не только разные смыслы, но и разные цели, что определяет и разные ценностные векторы этих разных смыслов, и разную стратегию достижения целей.

В одном случае глобализация понимается как организация единства многообразия, обеспечиваемого взаимодействием разных культурных традиций, образцов и ценностей, установку на их сохранение для обогащения содержания культурной жизни человечества и его культурного пространства. В другом случае глобализация понимается как унификация культурных моделей, что с неизбежностью будет означать и гомогенизацию культурного пространства человечества. При этом культурная унификация, как скоро выяснилось, должна происходить по американскому образцу, а гомогенизация - означать «структурирование» пространства в соответствии с американскими ценностями. Иными словами, в реальной действительности инструментом глобализации был избран второй вариант - одностороннего монологического диктата, при котором происходит вытеснение, подавление культурой, взятой «за образец», всех остальных культур» [4, 9].

Наиболее продуктивной нам представляется позиция некоторых исследователей, согласно которой современную социокультурную ситуацию можно охарактеризовать, как «эпоху постмодерна» [2,25]. Одним из существенных признаков «эпохи постмодерна» является ускорение темпов общественной динамики, предельно сжимающее социальное время, порождая при этом все новые и новые проблемы. Одной из таких

проблем является то, что сегодня наблюдается энтропия устоявшейся ценностной системы, долгое время обеспечивавшей стабильное развитие общества.

Приходится констатировать нарастание аксиологической диффузии, потерю многими ценностями своей традиционной субстанциальности при повышении степени их мобильности. Кроме этого, нарастание аксиологической диффузии можно связывать с появлением «компьютерного человека», «человека агрегатного», «квантового Я», «множественного субъекта», «мультиперсональной личности». У такого индивида происходит инверсия внутреннего и внешнего, что позволяет управлять подсознанием с помощью, например, мифологизации рекламы или других средств воздействия. Так, Т.Е.Савицкая пишет: «Овнешнивание» человеческой психики (преимущественно ее дорефлективных слоев) - излюбленный прием воздействия СМИ, объективирующих интересосубъективные структуры как плацдарм влияния» [3]. Сочетание иллюзорно-мечтательного всемогущества и более чем скромного действительного бытия, отягощенного тотальной зависимостью от поставщиков предметов потребления и вследствие этого болезненным ощущением нестабильности – парадоксальная черта постсовременного человека.

По мнению Т.Е.Савицкой, сегодня, в эпоху глобализации проявляется триалектический механизм самодвижения культуры. Действие этого механизма обеспечивается развитием культуры как сложной самоорганизующейся системы, которое определяется устойчивой, усиливающейся в ходе информационного отбора теплой к наращиванию скорости переработки информации. Информация становится решающим фактором современного общественного, культурного и хозяйственного развития. Информация – сырье для процесса принятия решений. В отличие от естественного сырья информация приходит в неограниченном разнообразии форм из неограниченного разнообразия источников. Ее экономическая ценность также разнообразна. Для кого-то она стоит миллионы, для кого-то – ничего. Она инструмент контроля и в корпорации, и в экономике, и в политике. Но это сырье должно собираться, добываться и обрабатываться. Оно должно обогащаться в процессе обработки, и ему должна придаваться ценность. Затем оно выбрасывается на рынок, распространяется и является основой для принятия решений.

При этом критерием отбора, определяющего «выживание» культурных мутаций, является преимущество в информационном ускорении - в приращении скорости передачи информации. Таким преимуществом обладает объединение в «сенсориум» при помощи средств масс-медиа большого числа индивидов без различия возраста, пола и национальности. Ментальным аналогом «сенсориума» масс-медиа служит глобальная информационная сеть Интернет, обобществляющая структуры ума, ориентированная не на возвращение свободной личности, уникальной и неповторимой, а на формирование качественно нового образования - внеличностной психики, так сказать «человеческого бульона», питательной среды для роста элементарных импульсов человеческой души (агрессии, страха, похоти, алчности и пр.) [4].

В этой связи следует упомянуть, прежде всего, о так называемой постиндустриальной парадигме, которая в первую очередь предполагает примат человека, его сознания в системе источников, саморазвития общества. Согласно этой парадигме, утверждение: «сознание определяет бытие» – столь же правомерно, как и обратная аксиома. Происходит отрицание, вульгарно-материалистической доктрины, превращающей человека в винтик, придаток саморазвивающейся гигантской машинной системы. Человек, согласно такому подходу, является демиургом, творцом своего настоящего и будущего [7, 8-9].

Не следует забывать, что переход к этому постиндустриальному обществу, представляющему из себя квинтэссенцию гуманизма, может быть осуществлен как раз благодаря тем новым возможностям созидания жизненного пространства, которые открываются вследствие наступления эпохи информационно-технической цивилизации. Здесь перед нами выступает явное противоречие. С одной стороны, информационно-техническое, именно, внутри этого общества и именно благодаря его наступлению, наблюдается невиданный доселе крах гуманизма, выхолащивание из человека его духовных, инстинктов.

На рубеже XX–XXI веков постмодернизм представляет собой самое влиятельное интеллектуальное (в широком смысле слова) течение в современной культуре. Являясь первоначально чисто эстетическим понятием, выражающим определенный этап развития искусства, постмодернизм постепенно приобрел значение универсального термина, обозначающего кризисные явления во всей системе культур» в целом. Более того, смысловой объем данного понятия стал применяться и по отношению к социальной сфере. "Так, по мнению В. Кутырева понятие «постмодернизма» фиксирует состояние общества, когда оно, собственно человеческое общество, исчезает. Оно становится человеко-машинным и постмодернизм, точнее говоря, есть супермодернизм» [1, 25].

Исследователи постмодернистской масс-культуры отмечают, что в ее основе лежат коммерческая технология производства образов, «мифодизайн», паразитирующий на подсознании индивида, расовые, этнокультурные архетипы. «Паранормальность» проявляется не только в том, что индивид в ней уже не субъект развития, а объект принуждения, но и в том, что моделируя массовое клиновое сознание, она с невиданной технической мощью производит квазиреальность и одновременно воспитывает почти наркотическую зависимость от потребления ее суррогатов. Телевидение - это своеобразный полигон по адаптации массового сознания к ущербной онтологии паракультуры. В качестве реальной культуры паракультура, безусловно, жизнеспособна, высоко пассионарна, но и ... патологична. В отличие от паракультуры стандартного потребления, транскультура, по мнению Т.Е. Савицкой, пронизана верхом мирозидания, творчества жизни, но в сниженном варианте «игры», виртуальной необязательности, наркотической грезы, индивидуальной прихоти. Отвечая на вопрос: почему представляется целесообразным именовать данную разновидность посткультуры транскультурой, Т.Е. Савицкая приводит три положения: «Во-первых, потому, что эта мутация постмодернизма знаменует собой очередное звено шедшего в ново-

европейской культуре «всемирно-освободительного» процесса от рационально-нормативной парадигматики. Во-вторых, в термине «транскультура» прослеживается стабильная для новоевропейского творчества тенденция к выходу за рамки существующих культурных норм, самотрасцендированию, архетипическое для фаустовской (если выразаться языком О. Шпенглера) души западного человека. И, в-третьих, термин «транскультура» весьма не случайно, продуцирует ассоциации, сопряженные с «трансом», наркотической самопотерей, растворением индивида в потоке информации.

Один из наиболее ярких теоретиков и провозвестников, информационного общества А.Тоффлер рассматривал все происходящие и грядущие изменения человеческого сообщества именно, с позиции культурных изменений, которые, как он считал, могут оказать наиболее сильное влияние на человека с биопсихологической точки зрения. Именно ему принадлежит заслуга рассмотрения культурных волн в качестве основы доминанты процесса развития человечества. Именно он ввел понятие «культурная волна», которое, будучи очень емким, разительно отличалось от понятий «культурная революция» или «культурное кольцо». В понятии «культурная волна» Тоффлер подчеркивал над идеологичность и аполитичность происходящих изменений. Одновременно этим словосочетанием он указал на стихийность и неизбежность происходящего. С его точки зрения, мы живем в эпоху столкновения культурных волн. Именно это определяет и сущность, и значимость переживаемого нами периода, т.к. по мнению Тоффлера, за всю историю человечества было только два подобных периода: возникновение культуры первой волны и возникновение культуры второй волны. И, наконец, переживаемый нами, процесс возникновения культуры третьей волны. Волновая теория культуры, выдвинутая Тоффлером, вызвала настоящий шквал подобных волновых концепций. Но именно Тоффлеру принадлежит заслуга изобретения этой концепции, и ее разработка в культурно-технологическом аспекте, связавшем понятия «информационная технология» и «культура». «Это событие столь же важное, как первая волна изменений, возникшая 10 тысяч лет назад в результате изобретения земледелия или подобная землетрясению вторая волна изменений индустриальной революции. Мы дети следующей трансформации - третьей волны», - заключает он. И далее: «Человечество сталкивается с глубочайшим социальным смещением социальных тектонических плит и трансформацией творческой деятельности». И также как вторая волна была антисельскохозяйственной, новая волна, будучи высоко-технологичной, является антииндустриальной мировоззрением со своими понятиями времени, пространства, логики и причинности. Главное же, что она приведет к созданию первой в истории истинно гуманистической цивилизации. Культура третьей волны с ее высокотехнологичными средствами работы с информацией не только создает множество файлов имиджей, но и заставляет постоянно производить их ревизию и делать это со все большей и большей скоростью. Становится очень трудно уловить смысл всей этой крутящейся фантазмагории, понять механизм производства и смены имиджей». Кабельное телевидение, всевозможные частные каналы, видео, телеинформационные службы, домашние видеотеатры, домашнее спутниковое вещание – «все эти достижения имеют одну общую черту: они разделяют массовую теле- и радиоаудиторию на сегменты, и каждое такое разделение не только увеличивает культурное разнообразие, но и глубоко меняет природу и стиль работы коммуникационных сетей, которые более не мечтают о доминировании и создании единого файла образов» .

Следует отметить, что заслугой Тоффлера является и создание концепции отраженной, экранной мерцающей культуры. Но в настоящее время мы гораздо чаще встречаем термины «виртуальная культура», «виртуальный образ». «виртуальный мир». Однако сам процесс возникновения такой культуры был описан именно Тоффлером. «Консенсус распадается. На персональном уровне мы осаждены фрагментами образов, противоречивых и несоотносящихся. Старые идеи воздействуют на нас в форме бестелесного отражения. Мы живем в бестелесной отраженной культуре». Чрезвычайно важным с культурной психологической и социальной точек зрения является утверждение Тоффлера о том, что мышление образами превращается в мышление отраженными (виртуальными) образами. «В этом новом виде культуры с ее фрагментарными постоянно меняющимися имиджами мы видим расширяющуюся пропасть между потребителями СМИ первой и второй волн».

Таким образом, Тоффлер, один из крупнейших теоретиков и разработчиков информационного общества, достаточно четко определил основные черты нарождающейся культуры - ее образный, демассифицированный, виртуальный характер. Эти черты стали присущи человеческой культуре потому, что основным объектом деятельности человека стали такое бестелесное, виртуальное понятие, как «информация».

Выводы. Таким образом, в условиях все большей глобализации культурных; процессов стремительно расширяется виртуальная сфера жизнедеятельности людей. Какие новые процессы нас ожидают, как их исследовать, как все это скажется на жизни человека и общества - вот далеко не полный перечень проблем, на решение которых ориентируются ныне исследователи культуры. Усложнение и умножение виртуальных миров (квазиреальностей) ныне диктует необходимость переосмысления устоявшихся методов познания социокультурной реальности, перехода социогуманитарных наук от макротеорий, охватывающих лишь реальные миры, к методологиям, опирающимся на те или иные научные парадигмы и объясняющие фрагменты социокультурной реальности в их тесном взаимодействии с параллельными мирами. Такой подход открывает новые возможности также и для более широкого развития социальных технологий.

Источники и литература

1. Кутырев В. А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 1996. – № 11.
2. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.
3. Савицкая Т. Е. Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы / Т. Е. Савицкая // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. – М., 2002.
4. Самохвалова В.И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии [Текст] // Материалы Клуба ученых «Глобальный мир», – М., 2002.
5. Тоффлер.Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века [Текст]. – М., АСТ, 2003 – 670 с.
6. Тоффлер.Э. Футурошок [Текст]. – СПб.: Лань, 1997. – 461 с.
7. Яковец Ю.В. Формирование индустриальной парадигмы: истоки и перспективы [Текст] // Вопросы философии. – 1997.– № 1.

Гадеев А.В.**УДК 930.1****ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В последние годы резко вырос интерес к проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войн. Прошлое как феномен культурно-исторической памяти постоянно притягивает ученых, которые пытаются разобраться во всех нюансах причин, хода и исхода войны.

Проблемы Второй мировой войны имеют в современных условиях исключительно важное научное значение. Они выводят нас на многие магистральные позиции мировой политики.

Активно проблемами Второй мировой войны занимаются ученые Б.Н. Петров, В.Н. Киселев, В.Д. Данилов, М.И. Мельтюхов, В.А. Невежин, Ю.А. Гирьков, А.В. Лысенко.

Если оставить в стороне детали, которые со временем уходят в тень, зададим вопрос: что же привело к этой всемирной катастрофе?

Нацисты считали, что путем войны можно выйти из экономического кризиса, завоевать Европу от Атлантики до Урала, сделать Советский Союз, Польшу, Югославию, Прибалтику колонией рабов, уничтожить целые народы, а самим стать всемирным военным государством.

Символами политической малокомпетентности в 30-е годы XX века были попытки войти в союз с Гитлером против других, играть в бесплодные игры с преступниками и агрессорами. Через этот позорный этап дипломатии прошли в 30-е годы прошлого столетия, по существу, все лидеры основных стран Европы, ничего не добившись, кроме самообмана, оставив для истории еще одно доказательство вреда политического цинизма.

Высшие надежды Чемберлена сберечь слабеющую британскую империю ценой усмирения Гитлера и ориентации его агрессии на запад - были такие же утопические, как и расчет Парижа аналогичными средствами отвлечь новое тевтонское нашествие на свою землю.

Предложенную СССР политику коллективной безопасности отклонили. Консерваторы Лондона и Парижа надеялись создать вместе с Гитлером и Муссолини "Союз четырех".

Почти до осени в 1938 году западные заговорщики играли в гитлеровскую игру с наивной надеждой остаться вне войны, или даже направить её на других.

Мюнхенский разговор с фашизмом они считали верхушкой политического успеха. Британский премьер говорил: "Гитлер является надежным человеком, и когда он получит Судетскую область, то навсегда оставит Европу в покое". Или: "Гитлер человек, на слово которого можно положиться". Вернувшись из мюнхенской Каносси, он проговорил известное: "Я привез мир для целого поколения".

Через десять месяцев Гитлер начал войну.

Активное сотрудничество Польши с гитлеровской Германией началось еще осенью 1933-го. 14 октября Гитлер бросил свой первый вызов миру, объявив, что Германия покидает конференцию по разоружению и выходит из Лиги Наций. А 12 ноября на следующий день после 15-й годовщины подписания перемирия в Компьене в 1918 г. назначил плебисцит, чтобы заручиться поддержкой немцев в своих шагах по слому версальской системы. Гитлеру грозила внешнеполитическая изоляция. Но Польша протянула ему руку. 15 ноября 1933 г. информационное агентство Вольфа (Wolffs Telegraphisches Buro) опубликовало официальное коммюнике по итогам встречи Гитлера с польскими посланцами в Германии Юзефом Липским. В коммюнике отмечалось, что обмен мнениями между сторонами выявил "единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга [1].

По сути это был вербальный польско-германский пакт о ненападении.

Гитлер одним махом получил международную индульгенцию на выход Германии из Лиги Наций и конференции по разоружению. А 26 января 1934 г. Польша и Германия (руками соответственно того же Юзефа Липского и министра иностранных дел рейха Константина фон Нейрата) под писали Декларацию о мирном разрешении споров и взаимном неприменении силы сроком на 10 лет, т. е., положили на бумагу пакт о ненападении.

Причем в данном документе отсутствовала клаузула (от лат. clausula – отдельный пункт) – особое